

Параллели

Существует бесконечное количество формъ вліянія, воздѣйствія Вождя на Массу, отношенія Учителя и Школы. Изученіе этихъ формъ, ихъ распредѣленіе по основнымъ типамъ составляетъ, по крайней мѣрѣ должно составлять, основную, въ сущности единственную, задачу теоріи историческаго процесса: ибо къ «вліяніямъ» чело-вѣка на чело-вѣка сводится вся историческая жизнь. И только ознакомившись съ строеніемъ различныхъ типовъ вліяній, можно учесть, какъ слѣдуетъ, характеръ и значеніе cadaго даннаго вліянія со стороны его со-держанія. — что составляетъ уже основную задачу исторіи культуры. Исторія «вліяній», исторія смѣны «школъ» и «направленій» представляетъ бесконечный рядъ особенностей, курьезныхъ, если глядѣть со сторо-ны, на дѣлѣ глубоко трагически. Какъ часто великій творческій гений воздѣйствуетъ — и притомъ не только на современниковъ, но на цѣлый рядъ поколѣній — тѣмъ, что для него, для его творческой индивидуальности, не характерно, метафизически «случайно», что даже иногда у него самого принадлежит не ему, какъ пролагателю новыхъ путей, а его времени; какъ часто большой чело-вѣкъ, ставши «авторитетнымъ», своимъ авторитетомъ освящаетъ то, чему онъ самъ слѣпо подчинился, что было авторитетнымъ для него, что онъ принялъ на вѣру, чему слѣдовалъ въ угоду модѣ. Божественная Ко-медія изучалась въ итальянскихъ университетахъ XIV - XV вѣковъ, какъ «Сумма», какъ энциклопедія всяческихъ знаній, и въ этомъ видѣли ея поэзію. Вагнеръ погубилъ не одного композитора своей злополучной идеей «музыкальной драмы», какъ погубилъ ею и самого себя. Ка-рамзинъ — конечно не гений, но безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, — своимъ авторитетомъ поддержалъ уже до него выдыхав-шійся, «слезоточивый» жанръ, расплодилъ «карамзини-

ствова, надолго дискредитировавшихъ человека, съ которыми по культурѣ они не имѣли ничего общаго.

Бываютъ случаи другого рода. Бываетъ, что въ отношеніи учениковъ къ учителю нѣтъ никакого недоразумѣнія, никакого непониманія — и все же: безъ какой бы то ни было вины со стороны учителя, вліяніе его оказывается пагубнымъ. Простѣйшій случай: Учитель поработаетъ своимъ совершенствомъ настолько, что творческаго усвоенія созданнаго имъ уже не можетъ быть. Длительное безплодіе итальянской поэзіи послѣ Петрарки и пластическихъ искусствъ послѣ Микель-Анджело объясняется этимъ. Манера каждаго изъ этихъ мастеровъ была его собственной манерой, соотносительной его идеѣ; но ученики слѣдовали только манерѣ: ибо они отваживались только подражать мастеру, не осмѣливаясь его себѣ ассимилировать.

Но есть случаи много сложнѣе и много трагичнѣе. Бываетъ, что ученикъ вполне понялъ учителя, сознательно вободно послѣдуетъ ему — и все-же остается безплоденъ. И въ то же время тѣ, которые стоятъ отъ учителя съ сторонѣ, которые иной разъ даже враждебны ему, испытываютъ на себѣ, сами того не сознавая, его благотворное, оплодотворяющее, обновляющее душу, обогащающее мысль, возбуждающее творческую способность вліяніе. Для истолкованія этого случая уже недостаточно изслѣдованіе структуры отношеній между вождемъ и массой: необходимо изслѣдованіе содержания, смысла того, чему учитель учитъ. Этотъ случай, стало быть, является проблемой, уже преимущественно относящейся къ конкретной исторіи культуры. Объяснить его — значитъ вскрыть специфическую порочность идеи Учителя, т. е. выяснить отрицательную сторону соответствующаго культурнаго момента.

Въ исторіи человѣчества можно засвидѣтельствовать одинъ моментъ, когда этотъ типъ вліянія встрѣчается въ наиболѣе ярко выраженной формѣ и притомъ нѣсколько разъ. Это вторая половина XIX в. и начало нашего вѣка. Конкретные же случаи, относящіеся къ типу, который я имѣю въ виду, это случаи Маркса, Толстого, Фрейда и Пруста. Я думаю, что, хотя послѣдніе два случая еще слишкомъ недавни и что поэтому мы здѣсь располагаемъ сравнительно небогатымъ по количеству матеріаломъ для наблюдений, все же можно уже и сейчасъ

прити къ достаточно прочнымъ выводамъ относительно структуры соответствующихъ влияній. Однако, я считаю болѣе удобнымъ пока оставить Пруста въ сторѣнѣ. Во-первыхъ, потому, что его случай осложняется, какъ увидимъ ниже, однимъ особымъ — и весьма существеннымъ — привходящимъ обстоятельствомъ; во-вторыхъ, потому, что структура его ближайшаго окруженія не столь опредѣлительна.

Что до первыхъ трехъ случаевъ, — то они легко подводимы подъ одинъ общій типъ. Три имени — три школы. Для насъ сейчасъ неважно различіе социологическаго строенія ихъ: чистая секта (толстовство), партія (марксизмъ), свободное научное объединеніе (фрейдизмъ). По существу и послѣднія двѣ тяготеютъ къ типу секты. Учитель является высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ. Върующіе считаютъ себя обладателями единственнаго правильнаго метода нравственнаго или политическаго поведенія, или научнаго изслѣдованія, единственнаго истиннаго пути, пути къ Истинѣ, пути къ Добру. Три секты объединяютъ, каждая порознь, людей вокругъ мыслителей, влияние которыхъ, внѣ предѣловъ этихъ сектъ, является «разсѣянное», громадно, исключительно и благотѣтельно. Каждый изъ нихъ, въ свѣтѣ области, вводитъ насъ въ сферу необыкновенно значительнаго жизненнаго опыта: историческаго, этического, психологическаго. Нельзя себѣ представить въ наши дни историка, не читавшаго Капитала, и трудно вкратцѣ формулировать, въ сколькихъ отношеніяхъ Марксъ углубилъ и расширилъ историческое пониманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый нормальный человѣкъ, прочитавши «Такъ что-же намъ дѣлать?», «Исповѣдь», «Воскресеніе», относится къ жизни серьезнѣе, благоговѣйнѣе, чѣмъ раньше, строже, требовательнѣе къ самому себѣ. Что касается Фрейда, то онъ столь-же необходимъ психологу, сколько Марксъ историку, социологу. Фрейдъ первый показалъ пути, которыми можно проникнуть сознаніемъ въ сферу подсознательнаго, первый сталъ систематически изслѣдовать симптоматику подсознательной духовной жизни, и тѣмъ безгранично раздвинулъ горизонты психологій и психопатологій; а тѣмъ самымъ, вслѣдъ за Марксомъ, и сферу всѣхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ духовной жизнью, т. е. наукъ «гуманитарныхъ».

И въ то же время, если обратимся къ ближайшимъ по-

слѣдователямъ этихъ мыслителей, столь многосторонне оплодотворившихъ современную мысль, насъ поражаетъ ихъ бесплодіе. Можно-ли назвать хоть одного толстовца, который заслуживалъ бы имя учителя жизни? А что такое толстовство, какъ не новый путь обновленія жизни? Полную аналогию представляютъ марксисты и фрейдисты. Марксисты, какъ таковыя, не дали наукъ равно ничего. Есть превосходныя книги, написанныя марксистами. Но ничего специфически марксистскаго въ нихъ нѣтъ. Любопытно, съ этой точки зрѣнія, то, что сейчасъ дѣлается въ Россіи. Всей культурѣ тамъ полагается быть марксистскою. «Въ духѣ марксизма» тамъ пишутся всѣ книги, чуть-ли не вплоть до подобныхъ «Хорошему тону» Германа Гоппе, вплоть до сонниковъ и самоучителей тандевъ. Но надо признать, что въ Россіи выходитъ сейчасъ и немало «флѣныхъ», иногда очень хорошихъ книгъ подъ заглавіемъ «Марксизмъ и ...» (что угодно) и что вовсе не всегда первое слово заглавія выполняетъ роль флага для прикрытія контрабанды. Но опять-таки: достоинство этихъ книгъ ничуть не обусловлено марксизмомъ. Поскольку подобная книга хороша, она могла бы быть написана и немарксистомъ. Марксизмъ, какъ умственное направленіе, словно неспособенъ расти и развиваться. Марксистъ, какъ таковой, типичный глоссаторъ, комментаторъ или популяризаторъ.

Если марксистскія произведенія производятъ впечатлѣніе перепѣвовъ, то съ фрейдистскими дѣло обстоитъ и того хуже: они кажутся сущими, и иногда очень злыми и мѣткими, пародіями на произведенія Фрейда. Марксизмъ «академиченъ»; марксисты упражняются «въ манерѣ» мастера. Фрейдисты «манеру» своего мастера карикатурятъ. Толстовцы не дѣлаютъ ни того, ни другого. Они не пережевываютъ мыслей своего учителя, не доводятъ ихъ до уродливой и нелѣпой крайности. Они ихъ только исповѣдуютъ.

Могутъ возразить, что охарактеризованное мною отношеніе трехъ названныхъ учителей къ ихъ ближайшему окруженію и къ, за предѣлами его, находящейся средѣ ничего специфическаго въ себѣ не заключаетъ. Нерѣдко ближайшіе ученики того или иного авторитета хуже понимаютъ его, нежели стоящіе поодаль. Наибольше цѣннымъ, наибольше плодотворнымъ бываетъ влияніе исходящее не отъ того, что прямо высказано учителемъ, а отъ того,

угадываемаго, что лежитъ за этими высказываніями, отъ основной интуиціи учителя. Самый фактъ причастности къ какому-нибудь «изму» какъ-то обязываетъ и связываетъ, препятствуетъ творческой ассимиляціи. Наконецъ, секта или партія направлены въ первую очередь на дѣйствіе, что предполагаетъ самоотреченіе, самограниченіе, дисциплину. Все это вѣрно. Но все-же: сектами были и раннее христіанство и лютеранство и кальвинизмъ. Платонизмъ, гегельянство, кантіанство были школами. Однако, въ предѣлахъ этихъ сектъ, школъ жила свободная мысль, расла и развивалась доктрина. Адепты соответствующихъ учителей были живой связью между ними и міромъ. Свѣтъ зажженного учителемъ огня излучался въ міръ сквозь нихъ и въ ихъ преломленіи, не — м и м о нихъ.

Но вѣдь есть же и среди марксистовъ толки, секты, школы, направленія? Можно-ли въ такомъ случаѣ говорить, что марксистская мысль не живетъ, не развивается, не «становится»? И нельзя же въ разногласіи среди марксистовъ сводить единственно къ тактическимъ спорамъ? Есть вѣдь и теоретики марксизма? Да, но что они дѣлаютъ съ доктриной учителей? Они ее втопаютъ, перелицовываютъ, красятъ, лакируютъ; утюжатъ, скоблятъ, перестраиваютъ, однимъ словомъ продѣлываютъ всевозможныя манипуляціи, какимъ поддается «мертвая матерія» — иначе, какъ въ этихъ метафорахъ, не выразить характера работы марксистской мысли. Доказательство, что это такъ, въ томъ, что вся эта работа выполняется единственно для нуждъ Школы. Ибо она обращена всецѣло на самую доктрину, тогда какъ творческая работа надъ доктриною исходитъ отъ послѣдней и, значить, въ какомъ-то отношеніи обращена отъ нея — въ сторону. Вотъ почему работа теоретиковъ марксизма оказываетъ влияніе только въ предѣлахъ самой Школы. Въ стѣнѣ послѣдней она не излучается никакъ. Никакой мыслящій человѣкъ не можетъ обойтись безъ Маркса. Но какому не-марксисту нужны Плехановъ, Бухаринъ или Роза Люксембургъ? Равнымъ образомъ никакой психологъ не можетъ обойтись безъ Фрейда. Но читать труды, напримеръ, Ермакова, обнаружившаго «комплексъ» Пушкина и Гоголя, стоить развѣ что для потѣхи.

Всякая Школа тяготеетъ къ тому, чтобы соискнуться вокругъ учителя, замкнуться въ его ученіи. Но такова воз-

буждающая сила доктрины, укорененной въ личности Учителя, выражающей его индивидуальность, что, помимо воли учащихъ, противъ воли, безъ вѣдома ихъ, доктрина, благодаря имъ, посредствомъ нихъ, разбиваетъ воздвигнутыя вокругъ нея стѣны Школы. Тѣмъ самымъ перерождается Школа. Она перестаетъ быть Школою, ея культура становится культурой всего ея окруженія, отъ котораго Школа беретъ столько же, сколько и даетъ ему. Такъ христіанство пропиталось эллинизмомъ и само пропитало его. Но между тѣмъ какъ Марксъ, Толстой, Фрейдъ столько взяли отъ окружающей культуры и столько дали ей, марксизмъ, толстовство, фрейдизмъ отдѣлены отъ міра непроницаемыми переборками. Соціалъ-демократія могучій факторъ современной жизни, но такой-же, какъ электричество, паръ, радій: внѣшняя сила, не — элементъ культуры. Съ ней считаются, ея пользуются, отъ нея оберегаются, но ею не проникаются. Она дѣйствуетъ, но не вліяетъ (въ подлинномъ смыслѣ этого слова).

Въ каждой идеологіи самое значительное, то, изъ чего она беретъ свое начало, лежащая за нею интуиція, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ то, къ чему она стремится, на что она направлена, — соответствующій этой интуиціи идеальный образъ Сущаго. Собственно, о «началѣ» и о «концѣ» здѣсь можно говорить лишь условно: ибо этотъ идеальный образъ и эта интуиція одно и то же. Идеологія есть путь, который продѣлываетъ сознание для того, чтобы вернуться къ своей исходной точкѣ. Въ идеологіи развертывается первоначальная интуиція и просвѣтляется открывшійся внутреннему опыту идеаль. Поэтому идеологія есть прежде всего методъ. Методъ есть самое цѣнное, самое важное въ ней. Методомъ она въ сущности исчерпывается. Ибо методъ и есть въ ней то, что постоянно творчески становится. Усвоить себѣ чужую идеологію значитъ усвоить ея методъ. Этимъ истинное, т. е. творческое усвоеніе отличается отъ ученическаго подражанія, состоящаго въ слѣдованіи, такъ сказать, «грамматикѣ» метода, не ему самому, не его «духу».

Таковъ нормальный типъ зарожденія, развитія, распространенія идеологій. Но бываютъ исключенія, бываютъ болѣзныя, порочныя идеологіи, бываютъ разрывы между методомъ и мыслью, между интуиціей и умственной работой. Случается, что мыслитель, въ силу тѣхъ или

ныхъ условий, не можетъ привести въ согласіе своей мысли со своимъ методомъ. Знаменитый «естественно-научный» методъ Тэна, «позитивиста» по недоразумѣнію, только вредилъ Тэну — гениальному историку. Его историческая интуиція диктовала ему не тотъ методъ, который онъ призналъ и объявилъ «своимъ». У Тэна было два метода: одинъ, скрытый, которымъ онъ въ дѣйствительности шелъ, другой признанный имъ, теоретически имъ разработанный, на который онъ постоянно заставлялъ себя сбиваться.

Подобно Тэну, Марксъ былъ надѣленъ необычайной остротой исторической интуиціи. Но его мысль вступила съ нею въ борьбу. Онъ навязалъ себѣ злополучную, нелѣпую, въ своемъ существѣ безсмысленную теорію «бытія, опредѣляющаго сознание», теорію, основанную на незаконномъ, наивномъ, грубомъ гипостазированіи соотносительныхъ понятій, слѣдовательно, на полномъ игнорированіи первѣйшаго принципа діалектическаго метода — и тѣмъ самымъ онъ въ корнѣ извратилъ методъ Гегеля, вынулъ изъ него душу, подмѣнилъ творческое самораскрытіе Идеи внутренне-противорѣчивымъ, невозможнымъ, немислимымъ «становленіемъ» обездушеннаго, т. е. мертваго, т. е. несуществующаго «бытія» — и всѣ усилія глоссаторовъ Маркса безсильны оживить убитый учителемъ методъ: ибо истинная діалектика несомнѣстима съ предпосылкой, по которой изъ двухъ аспектовъ Жизни одинъ «опредѣляетъ» собою другой.

Если Марксъ умертвилъ чужой методъ, вмѣсто того чтобы себѣ его усвоить, то Фрейдъ искажилъ свой собственный. Открывъ плодотворнѣйшую истину соответствія всевозможныхъ «ошибокъ» во внѣшнемъ самообнаруженіи личности съ ея подсознательной сферой, что могло бы безмѣрно обогатить и углубить наше представленіе объ Индивидуумѣ (и дѣйствительно обогатило его), самъ Фрейдъ безконечное разнообразіе скрытыхъ въ глубинахъ подсознательнаго возможностей свелъ къ ничтожно-жалкому числу произвольно отобранныхъ имъ и произвольно объявленныхъ основными, первичными «комплексовъ». Методъ, открывающій такія могучія возможности индивидуализированія всякой личности, обратился, у самого создателя его, въ методъ обезличиванія величайшихъ индивидуальностей. Если Марксъ пародируетъ Гегеля, то Фрейдъ пародируетъ себя самого. Немудре-

но, что его ученики не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ его пародистами.

Методъ поведенія можно, разумѣется, лишь условно сопоставлять съ методами мышленія. Все-же нельзя не отмѣтить внутреннего сродства между методомъ учителя жизни, Толстого, и методами теоретиковъ, Маркса и Фрейда. Методъ Толстого есть отвѣтъ на его вопросъ: «такъ что-же намъ дѣлать?» Отвѣтъ гласить: не дѣлай. Подобно методу Маркса или Фрейда, и методъ Толстого есть методъ вывороченный на изнанку, пародія метода.

Теперь можно обратиться къ Прусту. Я думаю, что каждому, осилившему тринадцать томовъ его романа, всякій другой романъ уже долженъ казаться въ чемъ-то устарѣлымъ. У всякаго романиста онъ найдетъ недоработанныя, не окончательно претворенныя искусствомъ, «сырыя», сфотографированныя детали, всякая, самая углубленная, характеристика покажется еще слишкомъ поверхностной, слишкомъ массивной, упрощенной. Другими словами мы имѣемъ полное право утверждать, что послѣ Пруста уже просто нельзя писать такъ, какъ писали до Пруста. Прусть не только вошелъ въ мировую литературу, онъ вошелъ и въ исторію ея. О томъ, какъ, въ чемъ скажется влияніе Пруста, конечно, нельзя говорить: литература есть творческое становленіе. Но о влияніи Пруста на тѣхъ, кто уже вошелъ въ его школу, говорить можно. Уже есть писатели, являющіе собою примѣръ таланта, которому угрожаетъ опасность погибнуть отъ подчиненія прустовскому методу. Ибо у Пруста есть, наряду съ манерой, и опредѣляющій ее методъ. Въ основѣ этого метода лежитъ та концепція душевной жизни, согласно которой все подчинено времени. Индивидуальность, «Я», не «вещь», а «процессъ», не ergon, но energeia. Но у Пруста эта истина представлена такъ, что личность просто распадается на безчисленное количество диалектически становящихся «мгновеній», въ сущности-же улетучивается, исчезаетъ. Его романъ двойственного состава. Съ одной стороны множество «характеровъ», «типовъ», выведенныхъ въ согласіи съ классической традиціей «правоописательнаго» романа, традиціей намѣренно и тонко утрированной, такъ что получается галлерей каррикатуръ, коллекція гениально пародированныхъ уродовъ. Съ другой — одинъ, показанный уже не въ проекціи, а реально, т. е. во времени живущій носитель «потока

сознания», тотъ «Я», отъ имени котораго ведется повѣствованіе. И вотъ этотъ-то реальный индивидуумъ у Пруста оказывается абсолютно безличнымъ. Становясь, реализуясь, онъ тѣмъ самымъ уничтожается. Методъ Пруста — это бить въ глаза — ничто иное, какъ доведенный до крайности методъ Бергсона, результатъ таковъ, что нельзя не задаться вопросомъ: не слѣдуетъ-ли къ четыремъ названнымъ мною именамъ прибавить пятое, или лучше — переименовать четвертое имя? Прустъ можетъ быть взятъ въ качествѣ примѣра — единственнаго, но, имѣя въ виду его гениальность, сколь разительнаго! — губительнаго вліянія бергсонизма, какъ метода, примѣра, вскрывающаго внутреннюю порочность философіи великаго и опять-таки несомнѣнно безмѣрно обогатившаго и оплодотворившаго современную культуру мыслителя, — порочность, состоящую въ томъ, что, изслѣдуя «творческую эволюцію», онъ сознательно запретилъ себѣ вопросъ, что-же именно становится? что въ противоположность своимъ величайшимъ предшественникамъ, Николаю Кузанскому, Лейбницу, Гегелю, Бергсонъ не пришелъ въ результатѣ своего философскаго опыта, къ предѣльной идеѣ индивидуальности Всеединства. Между тѣмъ только въ этой идеѣ можетъ быть укоренена идея эмпирически становящейся индивидуальности, иными словами подлиннаго творчества, — ибо индивидуальность есть творческій актъ и ничтого больше.

Я не случайно подбираю имена. Я назвалъ людей, изъ которыхъ каждый, въ своей области, является безспорнымъ учителемъ и вождемъ людей, воздѣйствіе которыхъ испыталъ на себѣ всякій, хоть сколько-нибудь прикосновенный къ нашей культурѣ; такъ что они, эти люди, суть подлинныя представители этой культуры, по которымъ ее и надо изучать. Выяснивъ то общее, что этихъ, столь различныхъ, людей, роднитъ между собою, выяснимъ и «духъ» этой культуры, ея собственную индивидуальность. Въ чемъ-же это общее состоитъ? Къ чему оно сводится?

Къ тому, что всѣ они, такъ сказать, «сраоблачители». Марксъ и Фрейдъ за реальностью, непосредственно данной и въ ней ищутъ другую, «болѣе реальную» реальность, «субстратъ» первой и ея «причину». Въ какомъ-то смыслѣ «бытіе» реальнѣе «сознания». Марксу недо-

статочно установить сродство (кажущееся или действительное — это все равно для насъ въ настоящей связи) между культомъ святыхъ, посредниковъ между Богомъ и вѣрующими, и появленіемъ купца, торговаго посредника: первый фактъ, фактъ духовной въ узкомъ смыслѣ слова культуры, для него является «производнымъ» второго, факта культуры «матеріальной». Сознаніе реагируетъ прежде всего непосредственно на производственный отношенія, а затѣмъ уже возводитъ надъ ними «идеологическую надстройку». Теоретикъ марксизма Бухаринъ еще и сейчасъ находитъ возможнымъ стоять на точкѣ зрѣнія, что «мысль есть движеніе вещества», и что сознаніе ничто иное какъ «послѣдствіе» движенія тѣла. «Комплексы», спряятанный въ потемкахъ души Ліонардо да Винчи, Пушкина, Гоголя, Толстого, даже Исуса Христа (одинъ изъ фрейдистовъ отважился на «психоанализъ» Сына Божія), для фрейдистовъ, въ какомъ-то смыслѣ «реальнѣе» Джоконды, Мѣднаго Всадника, Мертвыхъ Душъ, Анны Карениной и Евангелія. Для Толстого инстинкты и вождельніч «реальнѣе» убѣжденій и вѣрваній, а Смерть «реальнѣе» Жизни. Сознаніе «сводится» къ бытію, художественное, философское, религиозное творчество «сводится» къ «комплексамъ», высшее «сводится» къ низшему, возвышенное «оказывается» низменнымъ, прекрасное — гнусностью, его «опредѣляющей». Для Пруста «обрѣсти» себя, свое «Я», значить только «обрѣсти утраченное время», пройти памятью однажды пройденную жизнь. Поскольку время есть условіе реализаціи «Я», время «реальнѣе» нежели «Я».

Въ плоскости религиозно-этической это умонастроеніе выражается въ своеобразной переоцѣнкѣ цѣнностей. Низшее, на которое высшее «сводится», можетъ тѣмъ самымъ показаться «лучше» вышаго. Толстовское смиреніе есть смиреніе не передъ высшимъ, а именно передъ низшимъ, смиреніе «культуры» передъ «природою», «смысла» передъ «безсмысленнымъ». «Безсмысленное» мудрѣе «смысла». Иванъ-дуракъ умнѣе умника.

Отсюда и особый вкусъ иныхъ разоблачителей къ «Ничему» къ пустому мѣсту — слѣдствіе той вывороченной на изнанку метафизики, въ основѣ которой лежитъ принципъ не наибольшей, а наименьшей «полноты бытія».

Если разоблачитель вмѣстѣ съ тѣмъ Учитель жизни, реформаторъ, то онъ попадаетъ въ затруднительное положеніе. Дѣятельность преобразователя, проповѣдника на-

правляется образомъ того идеальнаго состоянія, которое онъ противопоставляетъ данности, какъ нѣчто «болѣе» реальное «менѣе» реальному. Но какъ быть такому преобразователю, которъй привыкъ «высшему» противопоставлять, въ качествѣ «большей» реальности, «нижнее»? Психологически вполне естественно, что выразить свой идеалъ онъ въ состояніи развѣ только въ отрицательныхъ опредѣленіяхъ. Не-дѣланію Толстого соотвѣтствуетъ, въ качествѣ осуществленнаго Царства Божія, не-бытіе, нирвана. И Марксъ свой земной рай рисуеъ единственно отрицательными признаками, перечисляя, чего въ немъ не будетъ. Не будетъ частной собственности, не будетъ классовъ, не будетъ государства, не будетъ религіи. Что же будетъ? Этому вопроса Марксъ не поставилъ.

«Разоблачители» вмѣстѣ съ тѣмъ и разлагатели. «Свести» высшее къ низшему все равно, что разложить сложное на простое. Отсюда легко возникаетъ особый уклонъ — влеченіе къ элементарному и къ самому процессу разложенія, распада сложнаго на элементы, Смерти. Искусство жизни для Толстого есть искусство умирать. Чѣмъ проще живое, чѣмъ оно менѣе живо, тѣмъ «лучше» оно умираетъ. «Прос: й» мужикъ умираетъ «лучше» образованной барыни, и далеко «лучше» мужики. Вотъ собственно сущность философіи Толстого — прямая противоположность философіи великихъ гуманистовъ, ставившихъ человѣка въ центрѣ мірозданія и учившихъ, что только человѣкъ умираетъ въ полномъ смыслѣ слова, ибо умирая онъ завершаетъ процессъ становленія своей индивидуальности и тѣмъ самымъ рождается въ вѣчную жизнь. Влеченіе къ анализу, культъ разложенія и разоблаченія приводитъ къ тому, что прижизненное саморазложеніе, самоанализъ, начинаетъ казаться предѣломъ самоосуществленія, самоутвержденія личности, полной реализаціей своей индивидуальности. Недавно, въ замѣчательной статьѣ *), Н. М. Бахтинъ высказалъ вѣрную мысль, что такова доминирующая черта культуры «ненавистнаго», какъ выражается онъ, XIX-го вѣка. Для того, чтобы безъ помѣхи предаться этому, чтобы этимъ путемъ «обрѣсти» себя, личность отъединяетъ себя отъ «среды», замыкается «въ себѣ», т. е. ни въ чемъ, ибо отъединенная личность уже перестаетъ быть личностью,

*) Разложеніе личности и «внутренняя жизнь», Чиста, № 4, 1934 г.

— и анализирует, разлагает то, что уже разложилось. Добровольно затворившийся в пробковой комнате Прусть, весь свой чудный даръ писателя и сердцевъдца обратившій на поиски самого себя при помощи самыхъ утонченныхъ способовъ саморазложенія и самоистребленія, — трагическая фигура, полная глубочайшаго символическаго смысла. Въ Прусть какъ-бы воплотилась, въ своемъ самомъ крайнемъ, исчерпывающемъ выраженіи основная культурная тенденція на нашихъ глазахъ уходящаго въ прошлое историческаго періода.

П. Бицилли.